

Лорс Моррен

КОРОЛЕВА
ВЕТРЕННОГО
УТЁСА

Лоес Моррен

Королева Ветреного утёса

«Автор»

2026

Моррен Л.

Королева Ветреного утёса / Л. Моррен — «Автор», 2026

В чужом мире мне достались королевская кровь, жестокий жених и запрет выходить за ворота. Даже, насчёт свадьбы моего мнения никто не спросил. Графу нужна была покорная наследница. Но в теле его невесты оказалась я - Арина Белова, женщина с опытом неудачных отношений и организации ремонтов. И если прежде я слишком долго терпела, то теперь собиралась уйти при первой возможности. Даже если ради побега придётся довериться конюху. Рей немногословен, подозрительно хорошо владеет оружием и умеет обращаться с драконами. Впрочем, последнее легко объяснить: он и сам дракон. Серебряный, опасный и совершенно невыносимый, когда решает, что лучше знает, как меня защитить. За стенами графского замка меня ждёт родовое имение - разрушенная крепость. Крыша течёт, казна требует пересчёта, а люди давно разучились верить обещаниям. Что ж, начинать новую жизнь с ремонта мне хотя бы привычно. Гораздо труднее привыкнуть к мужчине, который возвращается, когда обещал.

© Моррен Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Лоес Моррен

Королева Ветреного утёса

Глава 1

Чужими духами пахло от шарфа, который я подарила Денису на Новый год. Я стояла посреди прихожей, держа его пальто, и почему-то смотрела на оторвавшуюся пуговицу. Утром она была на месте, я ещё поправила её, прежде чем он вышел из квартиры.

— Пришьёшь? — спросил он, заметив мой взгляд. — Зацепился где-то. Хорошо хоть не потерял, в карман положил.

Он поцеловал меня в висок, прошёл на кухню и приподнял крышку сковороды. Я повесила пальто, аккуратно расправила шарф и задержала на нём пальцы. Сладкий цветочный запах был таким отчётливым, словно незнакомая женщина только что обняла меня вместо него.

— Ты сегодня поздно, — сказала я, входя следом. — Я дважды всё разогревала. Думала, мы поужинаем и выберем гостиницу на выходные, пока там ещё есть номера.

— Арин, давай потом. У меня голова гудит после совещания. И я уже поел, мы заказали в офис пиццу.

Я посмотрела на две тарелки, которые поставила напротив друг друга. На его лежала салфетка, сложенная треугольником, хотя в обычные дни мы обходились бумажными полотенцами. Теперь эта небольшая старательность казалась особенно нелепой.

— А написать нельзя было? Я бы не ждала.

— Телефон сел.

Будто желая вмешаться в разговор, у него в кармане коротко завибрировало. Денис вытащил телефон, взглянул на экран и сразу перевернул его, положив рядом с хлебницей. Я увидела только светлый прямоугольник сообщения и красное сердечко возле имени, которое не успела прочитать.

— Уже зарядил, — пояснил он прежде, чем я спросила. — В машине. Ты чего на меня так смотришь?

— От твоего шарфа пахнет женскими духами.

Денис открыл холодильник и некоторое время изучал полки. Я ждала, что он рассмеётся или расскажет что-нибудь простое, после чего всё встанет на место. Например, что в лифте к нему прижалась коллега, спасая от закрывающихся дверей свой ноутбук.

— У нас в офисе женщины работают, представляешь? — Он достал бутылку воды и отвинтил крышку. — Или мне теперь в отдельном помещении сидеть?

— Я этого не говорила. Я спросила про запах.

— А я ответил. Господи, какой допрос из-за ерунды.

Он пил прямо из бутылки, запрокинув голову, и я разглядывала знакомую линию челюсти. Три года назад мне нравилось смотреть, как он смеётся, как щурится на солнце, как беззаботно отмахивается от неприятностей. Теперь я всё чаще пыталась по его лицу определить, какой вопрос можно задать, чтобы не испортить вечер.

— Хорошо, — сказала я. — Давай про выходные. Ты обещал уточнить, сможешь ли уехать в пятницу пораньше.

— Не смогу. Там ещё отчёт, а потом, возможно, придётся заехать к Димке.

— Мы договаривались месяц назад.

— И что теперь, работа подождёт? Ты же сама всё время с этими своими ремонтами, должна понимать.

— Мог бы предупредить, — повторила я тише. — Я бы не бронировала.

— Так отмени. Ты же этим занимаешься, для тебя пять минут.

Он сказал это совершенно спокойно и потянулся за телефоном. На экране появилась клавиатура с цифрами, и Денис, чуть отвернувшись, быстро набрал код. Раньше ему не нужен был пароль: он постоянно просил меня посмотреть маршрут или ответить матери, пока сам сидел за рулём.

— Ты поставил блокировку?

— Да. У нас новая политика безопасности, рабочая переписка и всё такое. Тебе и это не нравится?

— Я не хочу ссориться, Денис. Просто у нас в последнее время всё потом. Даже обычный ужин.

— Так не ссорься. Я домой пришёл, а не куда-нибудь. Можно хоть здесь спокойно побыть?

Мне стало стыдно за то, что я ждала его в этой кухне. За салфетку, за гостиницу с террасой над рекой, за новое бельё, спрятанное в глубине ящика. Я почти сказала привычное «прости», но он сам не дал мне закончить эту маленькую капитуляцию.

— Устал я, — добавил Денис, убирая телефон в карман. — Сначала весь вечер в машине, потом ещё это.

— Подожди. Ты же сказал, что вы были в офисе.

Он замер на пороге, и на секунду стало слышно, как потрескивает остывающая сковорода. Я не могла понять, почему этот крошечный звук показался мне таким громким. Денис медленно повернулся.

— Мы ездили к клиенту, потом вернулись на совещание. Мне тебе по минутам расписать? Или геолокацию включить?

— Ты мог просто так и сказать.

— Арина, я мог вообще не оправдываться. Ты сама себя накручиваешь, а виноват почему-то я. Ладно, я в душ, пока мы не договорились до чего-нибудь совсем прекрасного.

Он ушёл, оставив после себя открытый холодильник. Я закрыла дверцу и некоторое время держала ладонь на холодной ручке. Потом убрала еду в контейнер, сложила салфетку вдвое и сказала себе, что человек действительно мог устать.

В ванной зашумела вода, а на стиральной машине остались лежать его часы и телефон. Я заметила их, когда несла в корзину полотенце, и остановилась в дверях. Между мной и правдой было несколько шагов и незнакомый код, но от собственного желания сделать эти шаги мне стало тошно.

Я вернулась на кухню, так и не притронувшись к телефону. На моём экране светилось сообщение Лиды: «Завтра вытащу тебя в люди. Возражения принимаются в письменном виде и сразу отклоняются».

«Не знаю, — набрала я. — Мы собирались побыть вдвоём».

Потом стёрла последнее предложение и посмотрела на пустое место напротив. От ужина осталась одна остывшая тарелка, которую я всё ещё не убрала. Я написала: «Хорошо. Только без знакомств и подвигов».

К следующему вечеру мне почти удалось себя успокоить. На работе я добилась замены бракованных светильников и нашла пропавшую накладную. Было приятно заниматься неприятностями, у которых имелся понятный срок решения.

В клубе Лида выбрала столик подальше от колонок и заказала мне безалкогольный коктейль. Я собиралась объяснить, что не против бокала вина, но она уже подвинула ко мне меню. В её понимании любая помощь начиналась с того, чтобы накормить человека и не дать ему уйти раньше десерта.

— Теперь рассказывай, — велела она. — И убери телефон. Ты на него смотришь так, будто он должен прислать результаты биопсии.

— Я просто проверяю время.

— На часах над баром оно неправильное? Или ты в другом часовом поясе, где Денис уже написал?

Я фыркнула и убрала телефон. Никаких сообщений от Дениса всё равно не было. Он даже не спросил, куда мы собирались.

— Кажется, у Дениса кто-то есть, — сказала я. — Духи на одежде, новый пароль, вечные задержки. Только если произнести вслух, звучит как набор из плохого сериала.

— А если не произносить, становится лучше?

— Становится тише.

Лида перестала улыбаться. Я рассказала про сорвавшуюся поездку и вчерашний ужин. Пока говорила, несколько раз поймала себя на том, что оправдывала Дениса.

— Ты сейчас его защищаешь от кого? — спросила она. — От меня? Я с ним жить не собиралась.

— Я не защищаю. Просто вдруг всё действительно объясняется.

— Тогда пусть объяснит. Только без рассказа о том, какая ты неудобная, потому что задала вопрос.

— Я боюсь, что он ответит, — призналась я. — Скажет, что всё закончилось ещё полгода назад, а я одна ничего не замечала. И окажется, что все эти ужины и поездки были нужны только мне.

— Тогда ты хотя бы перестанешь накрывать на двоих там, где второй не собирается приходить.

Я опустила глаза, сдерживая слёзы. Лида сжала мою руку и дала мне помолчать. Когда принесли еду, я уже могла смотреть на неё без страха расплакаться.

— Есть одна женщина, — сказала подруга чуть позже. — Могу дать адрес. Она карты раскладывает, но главное, что с ней можно поговорить.

— Психолог с колодой?

— Понятия не имею. Мне её соседка посоветовала, когда я после развода по стенам ходила. Я вышла от неё и впервые за неделю нормально поела.

Я не собиралась идти к гадалке. Лида спорить не стала, только уточнила, что та принимает до полуночи, и отправила адрес на Садовой. К сообщению прилагалась приписка: «На случай внезапной веры в человечество».

Из клуба мы вышли после одиннадцати, под мелкий дождь. Лида уехала первой, а я задержалась под козырьком и позвонила Денису. Он не ответил, и я попробовала ещё раз, придумывая объяснения: заснул, вышел за хлебом, оставил телефон.

На третий звонок пришло сообщение: «Не начинай. Я занят». Я перечитала эти слова и вдруг поняла, что больше не хочу оправдываться за обычный звонок. Он даже не спросил, что случилось.

В такси я назвала домашний адрес и убрала мокрые волосы со щеки. Водитель предупредил об объезде через Садовую. Я кивнула, надеясь, что следом придёт другое сообщение.

У светофора машина остановилась рядом с угловым домом, а на экране по-прежнему был открыт адрес от Лиды. Я подняла глаза и увидела нужный номер над низкой аркой. В окнах первого этажа горел мягкий свет, а под ним темнела вывеска, букв которой отсюда было не разобрать.

— Можно здесь? — спросила я. — Я дальше сама.

Под аркой обнаружилась дверь с медным колокольчиком. Прежде чем позвонить, я отправила Лиде адрес и сообщение, что воспользуюсь её сомнительным советом. Потом нажала кнопку, пока ещё могла передумать.

Дверь открыла женщина лет шестидесяти в тёмном платье с закатанными рукавами. Я ожидала увидеть платок, тяжёлые перстни или хотя бы торжественно приподнятую бровь, но у неё на плече белела нитка. Она сняла её, прежде чем отступить в сторону.

— Входите, — сказала она. — Пальто снимайте, здесь тепло. Вешалка у двери.

Я сняла пальто и вошла в комнату, увешанную картинами с драконами. Они лежали у рек, летали над горами, подставляли бока солнцу. У окна стояла швейная машинка с недошитой занавеской.

Я уже собиралась придумать вежливую причину уйти, когда заметила картину над узким комодом. На высокой скале стоял разрушенный замок, и сквозь пустые оконные проёмы было видно бледное небо. Я задержала взгляд на обвалившейся башне, а потом почему-то поискала левее маленькую калитку, ещё не успев разглядеть её в густой тени.

— Эта картина где-нибудь печаталась? — спросила я. — Мне кажется, я её видела.

Женщина подошла не сразу, словно дала мне время рассмотреть замок. На нижнем краю полотна серебрился изгиб драконьего крыла, почти слившийся с туманом. Чем дольше я смотрела, тем сильнее хотелось отвернуться, но я никак не могла найти причину.

— Вряд ли, — ответила хозяйка. — Садитесь. С чем вы пришли?

За круглым столом я наконец почувствовала всю нелепость происходящего. Взрослая женщина, двадцать девять лет, отвечала на работе за бюджеты, а ночью приехала спрашивать у карт, любит ли её мужчина. Я положила сумочку на колени и всё-таки подняла глаза.

— Я хочу узнать правду, — сказала я. — Кажется, мой парень мне изменяет.

Хозяйка вынула из ящика колоду с потёртыми краями и положила перед собой. На верхней карте был изображён серебряный дракон, повернувший голову через плечо. Его крыло повторяло изгиб на картине, и я невольно подалась ближе.

— О нём будем спрашивать? — произнесла женщина. — Или о том, как вы хотите жить дальше?

Я не ответила и провела ладонью над столом, собираясь поправить съехавшую скатерть. До карты оставалось несколько сантиметров, когда кончики пальцев почувствовали тепло. Я замерла, а дракон смотрел на меня так пристально, что впервые за этот вечер мне расхотелось задавать вопросы.

Глава 2

Я отдернула руку, но тепло осталось на пальцах. Женщина напротив перестала улыбаться и посмотрела на колоду так, словно увидела там что-то, чего сама не ожидала. За её спиной тихо тикали часы, и от этого обыкновенного звука мне стало немного легче.

— Здесь лампа? — спросила я. — Под столом или где-нибудь ещё? У вас карта горячая.

— Не трогайте её пока, — ответила хозяйка. — Скажите, что именно вы хотите узнать.

— Я уже сказала. Хочу понять, обманывает ли меня человек, с которым я живу. Разве нельзя просто спросить об этом?

Она положила ладонь на край колоды, но почему-то не убрала карту с драконом. На её запястье выступили тонкие жилки, и я заметила, что пальцы дрожат. Мне больше не хотелось выяснять, хороша ли передо мной актриса.

— Можно, — сказала она. — Только что вы сделаете, если ответ вам не понравится? Вы об этом думали?

Я открыла рот и замолчала. В квартире остались мои вещи, оплаченный до конца месяца интернет и контейнер со вчерашним ужином. Я могла представить, как снова спрошу Дениса о духах, но дальше начиналось то, о чём мне было страшно думать даже здесь.

— Пока нет, — призналась я. — Наверное, сначала я хочу перестать чувствовать себя виноватой за то, что вообще спрашиваю.

Серебряный дракон на карте повернул голову. Я отчётливо увидела это движение и вцепилась в край стола, ожидая, что сейчас проснусь, рассмеюсь или услышу объяснение фокуса. Однако женщина напротив резко поднялась, опрокинув стул.

— Руку уберите! Не смотрите туда!

Под драконом проступила тонкая ветка, а на ней — чёрная птица с раскрытым клювом. Свет вытекал за края рисунка, заливал скатерть и мои пальцы, которые я никак не могла разжать. Я почувствовала запах холодного камня, такой сильный, будто стояла в сыром подвале.

Вместо круглого стола передо мной возникло зеркало. У потемневшего стекла лежала бледная женская ладонь, и по краю рукава тянулась неровная нитка. Я попыталась вдохнуть и услышала совсем близко чужой, сорванный шёпот:

— Выпусти меня. Пожалуйста, выпусти.

Кто-то схватил меня за плечо, но удержать не смог. Пол наклонился, и я провалилась в холод, не успев даже закрыть глаза. Последним, что я увидела, было испуганное лицо женщины над разгорающейся колодой.

Очнулась я от боли в затёкшей шее. Щекой я лежала на жёстком подлокотнике кресла, а под ногами шуршала длинная юбка. В нескольких шагах стояло то самое зеркало, и отражавшееся в нём окно было полно дневного света.

Я выпрямилась, машинально пытаюсь поправить сползшую сумку. Пальцы нашли только складки незнакомого платья и холодную цепочку на груди. Там, где ещё недавно были стол, занавеска и швейная машинка, теперь темнела кровать под тяжёлым балдахином.

— Эй? — позвала я. — Вы где? Что это такое?

Голос прозвучал слишком высоко, и я сжала горло ладонью. Потом встала, запутавшись в подоле, и шагнула к зеркалу. Девушка по другую сторону стекла сделала то же самое.

У неё были светлые волосы, заплетённые в растрепавшуюся косу, узкое лицо и серые глаза. Я коснулась своей щеки, и незнакомка повторила жест, прижав к коже два пальца. Маленький белый шрам у её брови никуда не исчезал, сколько бы я ни моргала.

Я нашла на запястье старые желтоватые синяки, а на большом пальце — свежую ссадину. Вцепилась в неё ногтем и вскрикнула от настоящей боли. Отдернув руку, увидела на стекле оставленный мною влажный след.

Телефона не было ни в складках платья, ни рядом с креслом. Я обошла комнату, открыла пустой ящик комода и с трудом распахнула окно. Внизу находился мощёный двор, по которому мужчина в кожаном переднике вёл лошадь, а за стеной поднимались голые ветви деревьев.

Я ещё искала глазами провода, антенну или хотя бы пластиковую водосточную трубу, когда за спиной щёлкнула дверь. В комнату вошла пожилая женщина со стопкой белья. Она посмотрела на распахнутое окно и сразу нахмурилась.

— Изабель, отойдите оттуда. Сквозит же. Вы опять всю ночь не спали?

Я повернулась, прижавшись спиной к подоконнику. Надо было потребовать объяснений, назвать своё имя, заставить её вызвать полицию. Но женщина уже заметила мои босые ноги и осторожно поставила бельё на кровать.

— Вам дурно? — спросила она тише. — Сядьте, я воды принесу. Только не падайте, ради всего святого.

— Где я?

Она замерла возле кувшина, и по её лицу прошло такое выражение, что я пожалела о вопросе. Здесь меня явно знали, причём знали не по имени Арина. Я потёрла висок, пытаюсь придумать хоть что-нибудь безопасное.

— В голове всё путается, — добавила я. — Я, кажется, уснула в кресле. Ничего не помню с ночи.

— Опять это ваше зеркало, — пробормотала женщина. — Я ведь просила убрать его, пока вы совсем себя не извели.

Она подала мне воду и подождала, пока я сделаю несколько глотков. На груди у меня качнулся кулон: тёмная птица сидела на серебряной ветке. Я стиснула цепочку, а женщина поспешно отвела глаза.

— Вы кто? — спросила я. — Простите, мне правда нехорошо.

— Марта. — Она поставила стакан на столик и присела передо мной, вглядываясь в лицо. — Изабель, вы меня совсем не узнаете?

Сказать «нет» оказалось страшнее, чем промолчать. Я покачала головой, и Марта вдруг стала выглядеть старше, словно тоже не спала всю ночь. Потом она поднялась, достала из шкафа тёмно-синее платье и положила рядом с бельём.

— Я помогу вам одеться. Граф Вальтер ждёт к обеду и уже спрашивал о вас. При нём лучше не говорите, что ничего не помните.

К столовой Марта вела меня за локоть, объясняя дорогу тихим, почти будничным голосом. Я старалась запоминать повороты, окна и двери, хотя больше всего хотелось сесть на ближайшую ступеньку и перестать идти. Ткань нового платья стягивала грудь, а тесные туфли заставляли осторожничать на каждом шаге.

— Кем он мне приходится? — спросила я, когда впереди показалась широкая дверь. — Граф, к которому мы идём.

Марта остановилась и оглянулась. Я ждала ответа, не решаясь её торопить. Она поправила цепочку у меня на шее.

— Женихом. Не мужем, вы это помните? До свадьбы ещё не дошло.

Последние слова она произнесла особенно отчётливо, будто пыталась что-то внушить мне заранее. Затем выпрямилась и кивнула слуге, открывавшему дверь. Я успела только вытереть ладони о юбку и шагнула в столовую.

За длинным столом сидел мужчина лет сорока с лишним, одетый в тёмный камзол. Он дочитывал письмо, не поднимая головы, и некоторое время мне пришлось стоять возле отодвинутого стула. Потом мужчина сложил лист и наконец посмотрел на меня.

— Я не привык ждать в собственном доме, Изабель. Садитесь, раз уж удостоили нас своим присутствием. Надеюсь, сегодня вы обойдётесь без слёз?

Я села, стараясь не задеть тяжёлым рукавом бокал. Слуга поставил передо мной тарелку, и от запаха горячего мяса внезапно свело голодный желудок. Я потянулась к хлебу, но граф стукнул пальцем по столу.

— Сначала выпрямитесь. И руки уберите с края, вас не в трактире кормили. В последнее время на вас больно смотреть.

— Мне нездоровится, — сказала я. — Возможно, стоит позвать врача.

— Вчера вы были вполне здоровы, когда спорили со мной. Неужели болезнь приходит только к обеду? Поешьте, и вам станет лучше.

Он велел убрать мою тарелку и подать вместо мяса бульон. Я хотела сказать, что сама могу выбрать еду, но слуга уже тянулся через стол, и руки у него дрожали. От моего возражения здесь могло стать хуже не только мне.

— Подскажите хотя бы, какой сегодня день, — попросила я. — После бессонной ночи я совсем потеряла счёт.

— Достаточно близкий к свадьбе, чтобы вы начали вести себя прилично. И достаточно далёкий, чтобы я успел научить вас этому. Вам больше нечего спросить?

— Мы можем поговорить без слуг? — Я сама удивилась тому, как ровно прозвучал голос. — Мне нужно кое-что понять.

— Прекрасно. Сегодня вечером придёте в мои покои, там всё и обсудим. Рад, что вы наконец проявили разумность.

Я застыла с ложкой в руке. Местных правил я не знала. Но смысл его улыбки не нуждался в переводе.

Вошедший с бумагами управляющий отвлёк графа прежде, чем я нашла ответ. Они заговорили о подводах и людях, присланных с перевала, а я попыталась съесть хотя бы немного бульона. Когда управляющий назвал какого-то генерала Россом, граф тут же прервал его и указал на меня взглядом.

— Об этом позже. У нас и без старых историй хватает забот.

До вечера Марта принесла мне еду и растопила камин. Заснуть я не смогла, а расспросить её толком не получилось: она поминутно выходила по делам. Тогда я попросила иголку с ниткой, чтобы хоть чем-то занять руки.

Зашивая расползшийся шов на рукаве, я почувствовала под подкладкой маленький узелок. Вытянула его и увидела обломок тёмно-зелёной бусины, крепко примотанный к ткани. Марта, вернувшись с подсвечником, заметила находку и вдруг остановилась.

— Это оставьте, — сказала она. — От матушкиной подвески. Вы просили не выбрасывать.

Я бережно заправила бусину обратно и больше ничего не спросила. В этом теле до меня жила девушка, которая прятала памятную вещь в подкладке, боялась своего жениха и сидела по ночам перед зеркалом. Мне хотелось верить, что она тоже куда-то попала, а не исчезла, освобождая место для меня.

Вечером слуга позвал меня к графу. Марта поправила мой воротник и сунула в руку чистый платок. Её пальцы задержались на моём локте, но она ничего не сказала.

Граф сидел у камина с расстёгнутым воротом и почти пустым кувшином вина. На столике возле кресла лежали бумаги, однако приглашать меня читать их он не собирался. Он указал на край постели, и я остановилась так резко, что за спиной звякнула дверная ручка.

— Не стойте там. И перестаньте смотреть на меня как на палача. Скоро вам всё равно придётся привыкнуть.

— Меня мутит, — сказала я, прижимая платок ко рту. — Я могу сесть у окна? Прошу вас, мне нужен воздух.

Он выругался, но махнул рукой в сторону кресла. Я добралась до него и села, держась как можно дальше от постели. Пока граф допивал вино и жаловался на неблагодарность людей, я рассматривала замок на двери и думала, успею ли добежать, если он встанет.

Потом слова стали сбиваться, а паузы между ними сделались длиннее. Я ответила на очередной вопрос и не услышала возражения. Ордрик спал, уронив подбородок на грудь; пальцы всё ещё сжимали ножку пустого бокала.

Я выждала несколько минут и встала. Добралась до двери, придерживая юбку. Ручка подалась так легко, что мне захотелось заплакать.

В коридоре никого не было, и я сначала пошла к своей комнате. Но у лестницы пахло прохладой, а снизу донёсся тихий стук копыт. Я остановилась, вспомнила лошадь во дворе и свернула к узкому проходу, который Марта назвала служебным.

Мне нужен был выход, пусть даже только из этого коридора. Нужен был человек, которому можно задать вопрос, не ожидая наказания. Когда я выбралась во двор, холодный воздух обжёг щёки, и впервые за весь день я смогла глубоко вдохнуть.

Из открытых ворот конюшни падала полоска тёплого света. Я сделала к ней несколько шагов и остановилась, заметив мужчину у стены. Он выпрямился, посмотрел на мои пустые руки и негромко спросил:

— Почему вы без плаща? Мы же договаривались.

Глава 3

Я оглянулась на дверь, из которой только что вышла. Мужчина у конюшни тоже посмотрел туда, затем сделал шаг в сторону, освобождая мне дорогу. Отступить оказалось можно, и именно поэтому я осталась на месте.

— Я не собиралась надолго, — ответила я. — Просто хотела подышать. В комнатах душно.

— Здесь к полуночи прихватывает. Вы сами просили напомнить про плащ, если опять забудете. Подождите, я сейчас принесу что-нибудь.

Он скрылся за воротами, а я осталась возле стены, стараясь унять дрожь. Незнакомец ждал меня и знал о какой-то договорённости с Изабель. Я едва справилась с одним человеком, который считал меня своей невестой, и совершенно не понимала, чего захочет этот.

В конюшне звякнуло железо, послышался тихий мужской голос. Потом лошадь фыркнула, и кто-то коротко рассмеялся. Я вслушалась, неожиданно поймав себя на желании шагнуть ближе к тёплому свету.

Мужчина вернулся с плотной шерстяной накидкой. При свете фонаря я рассмотрела тёмные волосы, убранные с лица, потёртый ворот рубахи и белёсый рубец возле большого пальца. Он был моложе графа, но определить возраст точнее я не смогла.

— Чистая, — сказал он, заметив, что я не тороплюсь брать вещь. — Только пахнет сеном. Другой здесь не нашлось.

— Спасибо. Я верну.

Он протянул накидку и остановился, не касаясь моего плеча. Мне пришлось самой взять её и укутаться, придерживая полы под подбородком. Шерсть кололась, зато дрожать я почти перестала.

— Что-то случилось? — спросил он. — Вас не было так долго, что я уже собирался идти к кухне. Марта ничего не передавала?

Имя экономки заставило меня насторожиться ещё сильнее. Я не знала, на чьей стороне она была, и могла только надеяться, что человек передо мной не станет проверять каждое слово. Стоило вспомнить запах вина в графских покоях, как подступала тошнота.

— Не знаю, что именно она должна была передать, — сказала я. — Я сегодня плохо себя чувствовала. Возможно, что-то не так поняла.

— Врач приходил?

— Граф считает, что я вполне здорова.

Мужчина посмотрел на освещённые окна верхнего этажа. Лицо у него осталось спокойным, только пальцы медленно сжались, будто он держал в руке невидимый ремень. Затем он повернулся ко мне и спросил уже тише:

— Он вас ударил?

— Нет. Сегодня нет.

Последние два слова вырвались сами собой, и я поспешно спрятала запястья под накидкой. Мужчина заметил это движение, но не попытался отвести ткань. Он лишь отступил от фонаря, чтобы моё лицо оказалось в тени.

— Здесь холодно стоять. Зайдёте к Искре? Она с вечера к двери прислушивается.

Я посмотрела за его спину, ожидая увидеть девушку. В глубине прохода двигался огонёк, кто-то нёс ведро, но женского голоса слышно не было. Я не успела понять ошибку, прежде чем незнакомец заметил мою растерянность.

— Кобыла, — сказал он после короткой паузы. — Ваша. Вы вчера велели не давать ей овса перед дорогой.

— Да, конечно. Я просто... У меня с утра всё путается.

Он открыл небольшую дверцу сбоку от ворот, и я вошла вслед за ним. В конюшне было тепло, пахло кожей, сухой травой и чем-то ещё, живым и непривычным. Кобыла с белым пятном на лбу потянулась ко мне через перегородку, а я отшатнулась, испугавшись крупных зубов.

— Ладонь держите ровно, — негромко подсказал мужчина. — Она ищет угощение. Вы всегда приносили ей кусочек хлеба.

Я осторожно протянула руку и почувствовала мягкие губы у пальцев. Искра шумно выдохнула, обдав меня тёплым воздухом, и ткнулась лбом в плечо. У меня внезапно защипало глаза: эта лошадь узнала хозяйку, а получила человека, который боялся даже её погладить.

— Простите, — прошептала я, сама не зная, к кому обращалась. — Не очень удачный день.

Мужчина достал из кармана морковь и разломил её пополам. Один кусок положил мне на ладонь, второй оставил себе, показывая, как кормить. Он ничего не спрашивал, пока я не решилась коснуться тёплой шеи кобылы.

— Скажите ваше имя, — попросила я наконец. — Только не сердитесь. Я и Марту сегодня не сразу узнала.

Он задержал руку над краем кормушки. В проходе за нами скрипнула доска, и мне захотелось немедленно забрать вопрос обратно. Но мужчина только высыпал в кормушку несколько оставшихся крошек.

— Рей. А сердиться, видимо, всё-таки придётся. Только пока я не понял, на кого.

Я впервые за день едва не улыбнулась. Это было совсем не похоже на веселье, скорее на короткую передышку между двумя приступами страха. Рей заметил перемену, но не стал пользоваться ею, чтобы потребовать объяснений.

В другом конце конюшни загрохотало ведро, и в проходе показался коренастый человек с фонарём. Рей спокойно прикрыл дверцу стойла и заговорил об Искре так буднично, будто мы только ради неё здесь и стояли. Человек кивнул мне, однако взгляд задержал слишком надолго.

— Старший конюший, — пояснил Рей, когда тот прошёл к выходу. — Завтра граф будет знать, чем болела ваша лошадь. Об остальном лучше поговорить в саду.

Я пошла за ним, потому что возвращаться наверх без единого ответа было ещё страшнее. У низкой калитки Рей пропустил меня вперёд, а потом осторожно притворил створку. Перед нами тянулась дорожка между голыми кустами, и по камням серебрился тонкий налёт инея.

— Вы передумали? — спросил он. — Если да, скажите сейчас. Мне нужно знать, готовить ли побег.

— Мы собирались бежать? — спросила я шёпотом. — Сегодня?

— Сегодня должны были договориться о дороге. Завтра вечером пришёл бы проводник. Изабель, что с вами произошло?

— Если бы я знала, то, наверное, сумела бы объяснить. В голове провалы. Иногда я даже вещи свои не узнаю.

— Значит, тем более нельзя оставаться здесь. Вы понимаете, что будет после свадьбы? Сейчас у вас хотя бы иногда спрашивают согласия.

Мне вспомнился край постели, на который указал граф. Я отступила к каменной скамье. Рей смахнул с неё листья и подождал, пока я сяду.

— Почему он со мной так обращается? — спросила я. — Я пыталась понять, что сделала не так. Но у меня не получается.

— Потому что может, — ответил Рей. — И потому что считает вас частью своей победы. Вы ничего такого не сделали.

Рей присел рядом, оставив между нами место. Отсюда был виден свет в окнах. Я вслушивалась в его тихий голос, стараясь не пропустить ни слова.

— Ваш отец проиграл войну. После последнего сражения вы оказались у Вальтера вместе с остальными пленными. Только вас он решил сделать невестой, а не отпустить за выкуп.

— Отец жив?

Рей замолчал, и у меня похолодели пальцы. Я уже поняла ответ, но всё ещё ждала, надеясь хотя бы на неуверенность. Он опустил глаза прежде, чем заговорить.

— Нет. Его вынесли с поля свои люди. Об этом пришло известие ещё до вашего обручения.

Я посмотрела на чужие руки у себя на коленях. У девушки, в чью жизнь я попала, умер отец, а я не знала ни его имени, ни лица. И всё же больно стало по-настоящему: кто-то однажды сказал ей эти слова, а потом заставил улыбаться мужчине за обеденным столом.

— А остальные? — спросила я. — Кто-нибудь из моих родных...

— Известий мало. Письма перехватывают, гонцов проверяют. Я не стану повторять слухи, пока не узнаю наверняка.

Я нащупала бусину в рукаве. От матушкиной подвески, сказала Марта. Но и о ней Рей ничего не мог рассказать наверняка.

— Он меня не любит, — произнесла я. — Граф. Ему ведь даже не нравится, когда я рядом.

— Ему нравится, когда вы подчиняетесь. Ваше имя нужно ему куда больше, чем ваше общество. Пока вы в его доме, ему проще договариваться с людьми, которые без вас не стали бы слушать.

— Мне нужно время, — сказала я. — Я не могу уйти завтра. Не сейчас.

Рей встал и отвернулся. Теперь я видела только его спину. Голос стал жёстче, хотя он и не повысил его.

— Мы договаривались две недели. Люди рискуют ради этой дороги, и они не могут приходить по первому вашему желанию. Если сейчас отказаться, потом может не оказаться ни проводника, ни открытых ворот.

Я прижала руки к животу. Рей имел право сердиться, но я не знала, куда он собирался меня вести. Возможно, кому-то ещё требовалось имя Изабель.

— Я понимаю. Но я не помню вашего плана. Как мне согласиться, если я даже не знаю, кому должна доверить жизнь?

Рей повернулся, и я невольно отодвинулась по скамье. Он заметил это, замер и больше не подошёл. Некоторое время было слышно только, как ветер цепляет сухие ветки над нашими головами.

— Вы боитесь меня, — сказал он.

— Я сегодня всех боюсь.

Он сел обратно, ещё дальше от меня. Я всё ещё ждала приказа. Но Рей задал вопрос:

— Сколько времени вам нужно?

— Два дня. Чтобы прийти в себя. И понять, что я могу сделать.

— Два дня. Я предупрежу проводника, что вы заболели. Но потом поговорим снова, даже если к тому времени вы не всё вспомните.

Я всё ещё надеялась, что зеркало вернёт меня домой. Увезить чужое тело неведомо куда я не решалась. Но просить Рея рисковать без объяснений тоже было нечестно.

— Если я не смогу уйти, вы не должны ждать меня бесконечно, — сказала я. — И другим людям это передайте. Я не хочу, чтобы из-за меня пострадал кто-то ещё.

Рей ответил не сразу. Потом протянул мне короткую верёвку с узлом. Я взяла шероховатый шнур, не понимая, зачем он мне.

— На случай, если станет опасно, оставите это на ручке двери в седельную кладовую. Она слева от входа, там вы сегодня стояли. Увижу — найду способ с вами поговорить.

— А если нужно передать что-то обычное?

— Записку под нижнюю полку, за жестяную банку с мазью. Я проверяю её утром и вечером. Только не подписывайте ничего, даже если кажется, что всё спрятано надёжно.

Я повторила порядок вслух, чтобы не забыть, и убрала верёвку за манжету. Рей показал, откуда мне лучше вернуться к служебной лестнице, а сам остался у калитки. Прежде чем уйти, я обернулась и спросила то, что давно не давало покоя:

— Почему вы мне помогаете?

Он помедлил. За стеной заржала лошадь. Рей повернулся на звук и ответил:

— Потому что вы попросили.

На лестнице я остановилась перевести дыхание. Мне по-прежнему было страшно, но теперь я могла хотя бы попросить о встрече, если понадобится помощь. Впервые за день я не чувствовала себя совсем одной.

Марта ждала у моей двери с подсвечником. Она посмотрела на накидку, на грязный край юбки и молча пропустила меня внутрь. Я едва успела переступить порог, когда она осторожно взяла меня за запястье.

— Вас видели во дворе. Старший конюший уже заходил к управляющему. Больше не ходите туда одна, прошу вас.

Накидку я сложила и убрала под подушку. Верёвку спрятала возле бусины, аккуратно раздвинув стежки на рукаве. Потом долго сидела на кровати, глядя в зеркало и пытаясь придумать, как попросить незнакомую девушку вернуться.

К утру я так и не заснула. Марта принесла умыться, но почти сразу в дверь постучали, и я узнала слугу, провожавшего меня вчера к графу. Он не посмотрел мне в глаза, когда передал приказ:

— Господин ждёт вас немедленно. Желает знать, с кем вы беседовали этой ночью.

Глава 4

Граф завтракал у окна, когда меня привели в малую столовую. Напротив его тарелки стояла пустая чашка, но сесть мне никто не предложил. Я остановилась возле стула и спрятала руки в складках юбки, вспомнив об узелке под подкладкой.

— Неужели свежий воздух настолько полезен, что ради него следует бродить по конюшням ночью? — спросил Ордрик. — Мне докладывают, что вы задержались там надолго. С кем беседовали?

— С конюхом. Я услышала лошадь и зашла посмотреть.

— С каким именно конюхом?

— Он дал мне накидку и помог покормить Искру. Я замёрзла, а возвращаться за плащом не хотелось. Мы говорили о том, что она меня заждалась.

Граф отложил нож и некоторое время разглядывал меня. Я заставила себя не отводить глаз и не добавлять ненужных объяснений. На работе я не раз видела, как человек выдаёт лишнее только потому, что не может выдержать паузу.

— Впредь за накидкой будете возвращаться. После ужина останетесь в своих покоях, а за ворота без моего разрешения вас не выпустят. Я распоряжусь.

— Мне и днём нельзя выйти?

— Сначала научитесь пользоваться свободой, которую вам дают. Сегодня поможете разобрат в восточную галерею. Слуги слишком долго занимались вашей особой и запустили дом.

Я уже открыла рот, собираясь спросить, какое отношение к этому имеют слуги. Но Ордрик повернул голову к Марте, стоявшей у двери, и всё стало понятно без объяснений. За мои возражения мог ответить человек, который вчера принёс мне иголку и чистый платок.

— Я займусь галереей, — сказала я. — Только мне понадобится помощь, чтобы передвигать тяжёлые вещи.

— Марта покажет, что делать. В вашем положении немного полезного труда избавляет от лишних мыслей. Ступайте, мне ещё нужно поработать.

В коридоре экономка шла так быстро, что я едва поспевала. У окна она остановилась, подождала, пока пройдёт служанка с корзиной, и только тогда посмотрела мне в лицо. Я ожидала услышать упрёк за ночную прогулку.

— Накидку уберите подальше, — сказала она. — Если спросят, я дала вам старую из кладовой. Вы меня поняли?

Я кивнула и впервые внимательно рассмотрела её натруженные руки. На одном пальце белела свежая полоса ожога, на другом кожа треснула возле ногтя. Мне стало стыдно, что я успела решить, будто её осторожность означала равнодушие.

Восточная галерея оказалась длинной комнатой с закрытыми ставнями. Под простынями угадывались кресла и столики, а у стены стояли картины, сложенные лицом к лицу. Когда Марта распахнула окно, в солнечном луче закружилась такая густая пыль, что мы обе закашлялись.

— Ничего не переставляйте одна, — предупредила она. — Рамы тяжёлые, половицы местами подгнили. Пока снимайте ткань и складывайте на скамью.

Под одним чехлом нашёлся письменный стол с глубокими ящиками. В верхнем лежали обрывки конвертов, высохшая сургучная крошка и маленький нож для бумаги. Я взяла ближайший листок, но Марта сразу протянула руку.

— Там ничего нужного. Старые счета.

— Счета обычно не начинаются со слов «дорогая моя». — Я повернула листок, показывая уцелевшую строчку. — Чьи это письма?

Марта убрала листок в коробку. Я заметила, что она не бросила его в мусор. Потом долго возилась со сломанной ручкой ящика.

— Ваши, — ответила она наконец. — Привезённые с вещами. Управляющий велел всё просмотреть, а потом не оставлять в комнатах.

— Мне нельзя получать письма?

— Получать можно. Только прежде их читают другие.

Я отступила от стола. У Изабель отняли даже возможность перечитывать письма. Мне захотелось забрать каждый обрывок, но Марта уже закрывала коробку.

У стены под сложенным ковром обнаружился небольшой портрет. Я подняла его, чтобы освободить край ткани, и увидела на обороте знакомую птицу на ветке. Под гербом были приклеены два листка, один пожелтевший, второй заметно светлее.

На старом значилось: «Эдмунд Вейр, король Эстерваля». На новом — «погиб у Северного перевала» и незнакомая дата. Я перевернула портрет и увидела мужчину с такими же серыми глазами, как у моего отражения.

— Это мой отец?

Марта опустила тряпку в ведро, хотя та была совершенно чистой. Я видела, как она заставляет себя разжать пальцы. Потом подошла и осторожно вытерла пыль с верхнего края рамы.

— Да. Я просила оставить портрет. Остальное увезли, а этот был повреждён, за него не стали спорить.

— Почему вы не сказали мне раньше, кем он был?

— Потому что вы его дочь. — Она посмотрела на меня с усталой растерянностью. — Я думала, вы помните хотя бы это.

Я отвернулась, не зная, что ответить. На обороте счёта записала имя, страну и перевал. Ниже отметила два вопроса: где остальные вещи и кто читает письма Изабель.

Когда я вернулась к портрету, рядом с ним лежала небольшая книга в потёртом переплёте. Марта ничего не сказала, только поставила перед ней деревянную шкатулку, заслоняя от двери. Пока она полоскала тряпки, я раскрыла томик и прочитала на первой странице: «Краткая история Эстерваля и его владетельных домов».

На следующий день я добилась разрешения выйти к лошадям. За обедом сказала, что в галерее снова закружилась голова, и спросила, можно ли хотя бы проехать по двору, раз нельзя за ворота. Граф оглядел моё бледное лицо и согласился с таким видом, будто собирался пожалеть об этом заранее.

— Только во дворе. И чтобы конюх держал лошадь, если вам вздумается упасть. Ещё одного зрелища мне не нужно.

Я поспешила во двор, пока разрешение не отменили. Книгу взяла с собой, объяснив Марте, что почитаю на воздухе. Закладкой служил листок с выписанными названиями земель.

Рей вышел навстречу. Я вернула ему накидку и поправила книгу под мышкой. Заговорила достаточно громко, чтобы было слышно во дворе:

— Спасибо. Мне разрешили немного проехаться. Вы сможете помочь?

— Смотря насколько немного. До города или до того столба?

— До города мне запретили.

— Тогда начнём со столба. У него хотя бы нет привычки менять распоряжения.

Я неожиданно рассмеялась и тут же оглянулась. Рей уже разворачивался к стойлу, будто ничего смешного не сказал. Накидку он повесил на крюк, а книгу предложил оставить на лавке возле двери.

Искра ткнулась в ладонь, разыскивая хлеб. Рей проверил подпругу и поправил стремя. Я смотрела на седло, понимая, что сейчас всё станет гораздо сложнее.

— Вы не помните, с какой стороны садиться? — спросил он тихо.

Я покачала головой. У телеги стоял старший конюший, и отказаться теперь значило привлечь его внимание. Рей подвёл Искру к низкой ступеньке.

— Левая нога сюда. Рукой держитесь за седло, только не за повод. Я подстрахую, если позволите.

С первой попытки у меня ничего не вышло. Со второй я забралась наверх так неловко, что туфля едва не осталась у Рея в руке. Лошадь переступила, я вцепилась в переднюю луку, и подол поехал вверх, открывая щиколотку.

— Я сейчас свалюсь, — сообщила я сквозь зубы. — Она слишком высокая. И живая.

— С последним ничего не поделать. А высоту в следующий раз уменьшим ступенькой повыше. Не зажимайте плечи, Искра пока никуда не идёт.

Он поправил стремя и объяснил, как устроиться устойчивее. Голос был спокойным, а руки двигались быстро и точно, не задерживаясь там, где помощь уже не требовалась. Я поймала себя на том, что перестала следить за каждым его движением и наконец смогла выдохнуть.

Когда Искра пошла, мне показалось, что качнулся весь двор. Я наклонилась вперёд, потом назад, пытаюсь поймать равновесие, и чуть не выронила повод. Рей остановил кобылу, подождал, пока я усядусь, и начал объяснение заново.

— Куда вы её ведёте? — спросил старший конюший от телеги.

— К стене и обратно. Госпожа после болезни ещё не окрепла. Граф велел держать лошадь.

Конюший отвернулся. Рей повёл Искру вдоль стены, подальше от шума. Я смотрела между лошадиных ушей, стараясь не думать, как далеко до земли.

— Вчера вы так не боялись, — сказал он негромко. — Точнее, не боялись лошади. Вы на ней с детства ездили.

— Значит, мне ещё многое предстоит вспомнить.

Рей промолчал, и от этого мне стало не по себе. Я уже почти слышала следующий вопрос. Тянуть дальше было нечестно.

— Я помню про разговор, — сказала я. — Только пока у меня вопросов больше, чем вчера. Не сердитесь, я не пытаюсь тянуть время ради удовольствия.

— Вижу. Поэтому сегодня учимся не падать. Об остальном поговорим, когда вокруг будет меньше чужих ушей.

Мы сделали ещё круг, и я наконец рискнула ослабить хватку. Ветер трепал выбившиеся из косы волосы, Искра мягко переступала по утоптанной земле, а Рей шёл рядом, не торопя её. На несколько минут мне удалось забыть о спальне с зеркалом и чужом лице, которое ждало меня наверху.

— Почему вы здесь работаете? — спросила я. — Простите, если опять спрашиваю то, что уже должна знать.

— Потому что умею обращаться с лошадьми.

— Это объясняет, почему конюхом. Но не объясняет, почему у него.

— Здесь осталось одно дело. Пока не закончу, уйти не могу. И не спрашивайте какое, сейчас я вам не отвечу.

Спускаясь, я зацепилась ногой за седло. Рей удержал меня за локоть, пока я не нашла опору. Отпустил сразу, как только я встала на землю, и я запомнила именно это.

На лавке возле моей книги лежала раскрытая тетрадь с кривыми столбцами цифр. Из конюшни позвали Рея из-за недостающего овса, и он провёл ладонью по странице с таким выражением, что мне стало знакомо даже это чужое хозяйство. Я взглянула на записи и заметила одну и ту же выдачу, внесённую дважды.

— Вот здесь ошибка, — сказала я. — Дата одинаковая, количество и подпись тоже. Если сложить оба раза, у вас и получится недостача.

Рей наклонился над тетрадью и некоторое время водил пальцем по строчкам. Затем поднял голову и впервые улыбнулся открыто, без вчерашней настороженности. Мне захотелось ещё раз посмотреть на эту улыбку, но я поспешно уткнулась в цифры.

— С лошадьё забыли, а со счётом всё в порядке?

— Похоже, он держится крепче. Если хотите, я помогу разнести расходы по дням. Только не сегодня, у меня уже колени дрожат.

— Завтра. И ступеньку я найду повыше.

Я забрала книгу и пошла обратно. В коридоре заметила, что закладка пропала. Возвращаться сразу было опасно, но никаких секретов на ней не было.

Вечером Марта принесла сложенную полоску бумаги. Сказала, что конюх нашёл её возле лавки, и положила рядом с подсвечником. Я развернула листок и увидела под своими записями короткую приписку: «Ветренный утёс — дом Вейров. Ваш знак указывает на него».

Я машинально коснулась кулона и снова раскрыла книгу на главе, которую отметила. Между страницами лежал тонкий лист с печатью, раньше прилипший к внутренней стороне переплёта. Вверху стояли то же имя и та же дата, что на обороте портрета.

Это было извещение о смерти Эдмунда Вейра. Следующая строчка сообщала, что по закону старшей линии все наследственные права, включая корону Эстерваля, переходят к его единственной дочери Изабель. Я перечитала её трижды, прежде чем поняла, почему графу так нужны были моё имя и согласие на свадьбу.

Глава 5

На пятый день в чужом теле я попросила Марту показать мне библиотеку. К тому времени я уже знала, какая ступенька скрипит у моей двери и когда сменяется слуга в конце коридора. Только к зеркалу всё ещё подходила с надеждой, которую утром приходилось прятать вместе с верёвкой и матушкиной бусиной.

Марта посмотрела на книгу у меня на коленях. Я не сказала о найденном извещении. Она тоже не спросила, помогло ли чтение вспомнить отца.

— В восточном крыле ещё книги не разобраны, — ответила она. — Часть нужно вернуть в библиотеку. Можете помочь, только из больших шкафов ничего не доставайте: полки рассохлись.

— А читать можно?

— Если не забывать про работу. И лучше потом поставить всё на место.

Она отперла дверь возле галереи и оставила ключ в замке. Я поняла, что закрывали здесь не только дорогие книги, когда увидела на столе ящики с перевязанными бумагами. На крышке ближайшего ещё сохранился кусочек ткани, вышитой той же птицей, что сидела на моём кулоне.

Я разбирала книги у окна. Здесь попадались хозяйственные наставления, проповеди и карты незнакомых земель. Я искала упоминания зеркал и людей, возвращавшихся оттуда, куда не вела обычная дорога.

— Вы прежде этим интересовались? — спросила я, подняв книгу сказаний. — Тем, что здесь написано. Про двери, которые появляются раз в год.

— Я предпочитаю двери, к которым есть ключ, — ответила Марта. — И вам того же желаю.

Она улыбнулась краем губ, но почти сразу её позвали из коридора. Экономка попросила не трогать ящики и ушла, торопливо вытирая ладони о передник. Я подождала, пока стихнут шаги, и раскрыла толстую родословную, которую заметила под картами.

Имя Вейров нашлось быстро: нужную страницу кто-то так часто открывал, что переплёт сам разошёлся в этом месте. От королевского рода тянулись тонкие веточки, рядом стояли даты браков и названия земель. Одна линия уходила к обрезанному краю, а под ней начиналась фраза: «От младшей дочери, удалившейся за пределы...»

Продолжения не было, и следующие две страницы тоже оказались вырезаны. Я провела ногтем по оставшимся у корешка полоскам, потом проверила номера. Между двести сорока и двести сорок одной сохранились только крошечные клочки бумаги.

Мне вспомнился чужой голос у зеркала и ладонь, которую я видела перед тем, как исчезла комната гадалки. Я не знала, существовала ли связь между пропавшей ветвью и тем, что случилось со мной. Но впервые за эти дни у моей надежды появилось что-то, кроме собственного отчаяния.

В ящике письменного стола нашлись сломанное перо и смятые листы. Один зацепился за край ящика, и я расправила его, собираясь использовать пустую сторону. На лицевой оказался рисунок зеркала, оплетённого веткой, а под ним — короткая просьба: «Открой мне дорогу домой. Выпусти меня».

Я села на край стула, не отрывая взгляда от последних слов. Почерк был похож на подписи на полях моей книги, но здесь буквы сбивались, словно писавшая очень спешила. Внизу несколько раз повторялось имя Изабель, и один росчерк прорвал бумагу.

Значит, я не выдумала ту женщину по другую сторону стекла. Она тоже искала выход и обращалась к кому-то, кто, возможно, услышал нас обеих. Я перевернула лист в надежде найти продолжение и только тогда заметила тень на столе.

— Давно вы здесь хозяйничаете? — спросил граф.

Я встала, задев коленом ящик. Ордрик стоял в дверях, сжимая перчатку. Я попыталась положить бумагу, но он уже подошёл.

— Марта разрешила помочь с книгами, — сказала я. — Этот лист лежал в ящике. Я хотела узнать, что это такое.

— Вы сами его написали. Или опять забыли?

Он выдернул бумагу прежде, чем я придумала ответ. Прочёл, усмехнулся и поднял глаза на зеркало, висевшее над камином. Мне захотелось броситься к двери, но граф уже стоял между мной и выходом.

— Всё ищите, кто вас пожалеет? Домой она собралась. Вы здесь живёте, Изабель, пора привыкнуть.

— Я всего лишь спросила, что это за запись.

— А я всего лишь велю вам оставить эти выдумки. Послезавтра будет бал, и там вы подтвердите, что согласны на обручение. Без слёз, намёков и прочих ваших выходов.

Я посмотрела на лист в его пальцах. Ещё вчера я постаралась бы ответить так, чтобы он поскорее от меня отстал. Теперь перед глазами стояла строчка о наследственных правах, которые почему-то требовалось подкрепить моим согласием.

— Если оно добровольное, вы не можете приказать мне заранее.

Сказав это, я сама испугалась тишины, которая наступила в комнате. Граф медленно сложил лист пополам. Затем разорвал его и бросил обрывки на стол.

— Могу. И у меня заканчивается терпение объяснять вам очевидное.

Он ударил перчаткой по краю стола, задел чернильницу и даже не попытался её удержать. Тёмная керамика раскололась у моих ног, чернила потекли между половицами. Я отступила, чтобы не испачкать туфли, и сразу поняла по его лицу, что этого делать не следовало.

— Уберите, — сказал граф. — Сами. Хватит прятаться за служанок.

Марта появилась в дверях, но он остановил её одним движением руки. Я опустилась на колени и начала собирать крупные осколки на лист плотной бумаги. Пальцы слушались плохо, один край резанул кожу, и на чёрном пятне проступила красная полоска.

Под столом лежал обрывок с рисунком зеркала. Я подняла его вместе с осколками, пока граф смотрел на Марту. Прижала к порезу платок и прикрыла им бумагу.

Когда Ордрик ушёл, Марта забрала осколки. Перевязала пальцы и вытерла чернила с запястья. О спрятанном обрывке она не спросила.

— Книги сегодня больше не трогайте. И если вам приказали что-то сказать на балу, не спорьте с ним здесь. Прошу вас, хотя бы не наедине.

К конюшне я пришла после обеда, спрятав перевязанную руку под плащом. Разрешение выйти во двор граф не отменил, а обещание помочь со счётом давало повод задержаться у Рей. На этот раз я заранее надела плащ и постаралась не смотреть на окна верхнего этажа.

Рей раскладывал в седельной кладовой ремни и поднял голову, услышав шаги. Я взяла с лавки его тетрадь и положила рядом, отодвинув жестяную банку с мазью. Он посмотрел на мою руку и перестал перебирать пряжки.

— Что случилось?

— Чернильница разбилась. Я собирала осколки.

— Руками?

— Другого способа мне не предложили.

Он вытер ладони о чистую тряпку и заглянул в коридор между стойлами. Мне показалось, что сейчас он потребует рассказать всё с самого начала. Но Рей только придвинул табурет и указал на него.

— Посидите немного. Я принесу воды.

— Не нужно, Марта уже перевязала. Я могу читать записи, а писать пока придётся вам. Там за два дня всего несколько выдач.

На ткани у пальцев выступило красное пятно, и мои объяснения сразу потеряли убедительность. Рей молча показал на него, но не стал отнимать у меня руку. Я выдохнула, села и осторожно отогнула край повязки.

— Ладно. Только не говорите, что нужно было быть осторожнее. Я это уже поняла.

Он принёс воду и чистое полотно. Оставил дверь приоткрытой, чтобы видеть проход. Затем сел напротив и подвинул ко мне миску.

— Дадите посмотреть? — спросил он. — Или хотите сами промыть?

Я протянула руку и приготовилась терпеть боль. Рей поддержал ладонь снизу, не сжимая, и очень медленно снял прилипшую ткань. Я всё-таки дёрнулась, а он остановился и подождал, пока я снова смогу сидеть спокойно.

— Он был в библиотеке? — спросил Рей, когда закончил с водой.

— Да. Я нашла бумагу, которую не должна была читать.

— Почему вы не оставили её, когда он вошёл?

Я опустила глаза, и Рей вдруг сам покачал головой. Отставил миску, взял сухое полотно и заговорил уже другим тоном. Мне не пришлось защищаться, хотя я успела приготовить объяснение.

— Простите. Он не должен был заставлять вас это собирать. Неважно, что вы нашли.

Я кивнула, не сразу найдя голос. Оказывалось, дело было не в моих вопросах и не в любопытстве. Я позволила себе просто сидеть, пока Рей завязывал повязку, не обещая ничего взамен.

— Я прочла извещение, — сказала я. — В книге, которую вы видели. Про отца и про корону.

— Теперь понятно, почему Ветренный утёс так вас заинтересовал.

— Нет, пока мне почти ничего не понятно. Если я наследница, почему со мной можно так обращаться? И почему никто не приходит хотя бы спросить, жива ли я?

— Вы проигравшая сторона, — сказал он. — Вальтер распоряжается дорогами, почтой и людьми в этом доме. Но вашими землями и вашим именем он ещё не может распоряжаться так, как хотел бы.

— Поэтому свадьба?

— Поэтому свадьба. И поэтому на письма отвечают за вас. Если другие видят только благодарную невесту, вмешиваться им незачем.

— Послезавтра нас везут на бал, — сказала я. — Он хочет, чтобы я подтвердила согласие при гостях. Думает, я не стану возражать, если на меня все смотрят.

Рей поднял голову. Уточнил, кто принимает гостей, и я повторила названную Мартой усадьбу. Он задумался, поглядывая на дверь.

— Там будут люди от Совета земель. Среди них есть те, кто не зависит от Вальтера. Наедине к вам их не пустили бы, а в гостях он не сможет следить за каждым словом.

— Вы предлагаете устроить скандал?

— Я предлагаю сначала узнать, к кому можно обратиться. Только не обещайте никому ничего сразу. Красивые слова ещё не делают человека союзником.

Рей подвинул мне тетрадь. Я погладила здоровой рукой край страницы и вдруг захотела рассказать ему всё. Но назвать собственное имя так и не решилась.

— Иногда мне кажется, я узнаю свою жизнь по чужим рассказам, — сказала я. — Вы смотрите на меня и ждёте того, что я должна помнить. А я не знаю, что вы увидите, если я перестану притворяться.

Рей не ответил сразу, и я пожалела об этой почти правде. Из-за стены донеслось нетерпеливое ржание Искры. Я ухватила за этот звук, как за возможность перевести разговор, но он заговорил раньше:

— Я вижу, что вам страшно. А ещё вижу, что вчера вы нашли ошибку там, где я два дня её искал. Не всё в вас мне теперь понятно, но помогать я из-за этого не перестану.

Я посмотрела на него, не пытаясь угадать, чего он ждёт. Делать вид, что справлюсь одна, больше не хотелось. Я раскрыла тетрадь на вчерашней странице.

— Помогите мне дождаться бала, — попросила я. — И понять, кому там можно сказать правду. Я не хочу больше только прятаться.

Рей кивнул и взял перо, оставленное между страницами. Мы разобрали первую запись, потом следующую, и цифры постепенно перестали расплываться перед глазами. Когда он спросил, как я умудрилась запомнить цену овса, я впервые за день улыбнулась.

К вечеру меня вызвали в малую гостиную, где граф рассматривал разложенные Мартой украшения. Я остановилась у порога, держа перевязанную руку в складках юбки. Он выбрал тяжёлое ожерелье, приложил к моему плечу и отступил, оценивая впечатление.

— Вот так и поедете. Надеюсь, на балу вы сумеете показать, как благодарны мне за заботу. В этот раз я жду от вас гораздо большего, чем молчание.

Глава 6

Вечером перед балом Марта принесла в мою комнату платье цвета тёмного вина. Разложила его на кровати, поставила рядом шкатулку с выбранным графом ожерельем и велела мне доесть суп. Я послушно взяла ложку, хотя с самого утра не могла проглотить ничего, кроме хлеба.

— На голодный желудок в таком корсаже не устоите, — пояснила она. — И не вздумайте говорить, что вам нехорошо. От поездки это не избавит.

— Я не собиралась отказываться. Мне нужно там побывать.

Марта посмотрела на меня поверх раскрытой шкатулки. Я ожидала вопросов, но она лишь отложила ожерелье и подошла помочь с платьем. Когда тугая ткань охватила рёбра, мне захотелось потребовать, чтобы и граф провёл вечер в чём-нибудь столь же убедительном.

Повязку на руке пришлось сделать тоньше, иначе перчатка не налезала. Порезы уже затянулись, но при каждом движении кожа неприятно тянула. Марта придержала мои пальцы, пока я просовывала их в узкий шёлковый чехол.

— Не хватайтесь ни за что этой рукой. И бокал берите другой. Если попросят танцевать, скажите, что вам пока запретил лекарь.

— А лекарь у меня вообще был?

— Будет, если продолжите спорить. Только не тот, которого хотелось бы видеть.

Марта убрала волосы вверх и потянулась к украшению с острыми зубцами. Я поморщилась, когда оно зацепило кожу. Она тут же вынула его и вместо него закрепила выбившуюся прядь простой длинной шпилькой.

— Эту не потеряйте. Моя, из дому принесла. Вещь крепкая, ещё матери служила.

— Спасибо. Я верну.

— Платье пусть считают, камни тоже. Эту никто считать не станет.

— Я ведь не хотела за него замуж?

— Вы говорили это с первого дня. Не всем и не всегда разумно. Но достаточно ясно, чтобы никто не мог сказать, будто не понял.

Я опустила глаза на кольцо, которое Марта приготовила для меня. Оно с трудом прошло через сустав и тяжело село на палец. Значит, кто-то слышал отказ Изабель задолго до моего появления, однако граф всё равно собирался представить нас счастливой парой.

В карете он первым делом осмотрел мои руки. Заметил, что правая лежит поверх левой, и велел сесть иначе, чтобы было видно кольцо. Потом поправил край моего плаща, словно я тоже была одной из вещей, которые Марта неудачно расположила в шкатулке.

— На вопросы о здоровье ответите, что поправились. На вопросы о свадьбе — что с радостью ждёте назначенного дня. Повторите.

За окном колебался огонёк фонаря. Под колёсами хрустел подмёрзший снег. За этой дорогой оставались места, где власть графа хотя бы могли оспорить.

— Вы меня слышали, Изабель?

— Слышала. Я скажу, что чувствую себя лучше.

— И что благодарны за заботу. Марте незачем больше заниматься вашим гардеробом, если вы продолжите позорить её работу. Отправлю старуху в прачечную, там быстро отучают от лишней мягкости.

Я повернулась к нему, едва не спросив, какое отношение она имеет к моим ответам. Ордрик смотрел спокойно и ждал, когда я сама сделаю нужный вывод. Я разгладила юбку и промолчала, впервые сознательно оставив возражение на потом.

Усадьба сияла так, что на крыльце было светлее, чем днём в галерее. Слуги забрали наши плащи. Я запоминала лица и выходы, пока граф приветствовал хозяйку.

Со мной он обращался теперь иначе. Поддержал под локоть, предупредил о ступеньке и с улыбкой сообщил, что я ещё не совсем оправилась после тяжёлых переживаний. Женщина в жемчугах сочувственно кивнула, а я почувствовала на своей руке едва заметное давление пальцев.

— Мы так рады видеть вас среди людей, дорогая Изабель. Ордрик говорит, вы совсем не желали выезжать. Надеюсь, сегодня вам станет легче.

Музыканты играли у дальней стены, перед ними медленно двигались пары. Между свечами поблёскивали украшения, шуршали юбки, звенело стекло. Я поймала себя на том, что ищу взглядом тёмную голову и потёртый ворот рубахи, хотя Рея сюда никто не приглашал.

Граф остановился поговорить с седым мужчиной, державшим перед собой небольшой футляр. Пока они обменивались любезностями, слуга неловко задел ножку стола, и несколько капель вина попали на рукав Ордрика. Улыбка исчезла с его лица прежде, чем мальчишка успел извиниться.

— Глаза открой. Или тебе не нужен расчёт за этот месяц?

Седой мужчина спокойно взял с подноса салфетку и передал слуге. Граф тут же рассмеялся, будто всего лишь сделал неудачное замечание. Мне вспомнился разбитую чернильницу, и я внимательнее посмотрела на незнакомца.

— Не принимайте близко, Савель, — сказал Ордрик. — У вас слишком доброе сердце для коронного поверенного. Не желаете вина?

— Позже. Благодарю.

Граф указал на стол в глубине зала. Возле графинов распоряжался пожилой слуга. Несколько гостей обернулись на нас.

— Принесите мне красного, Изабель. Того, что справа. Только не перепутайте, кислого я сегодня уже достаточно попробовал.

Я посмотрела на полный поднос совсем рядом, но спорить не стала. Подошла к столу, попросила налить нужное вино и заметила, что Савель тоже направился туда, убрав футляр во внутренний карман. Когда он остановился у графина с водой, я сделала шаг к нему.

— Простите. Я могу задать вам один вопрос? По вашему делу, не о вине.

Он внимательно посмотрел мне в лицо. Склонил голову, оставив между нами расстояние для обычной беседы. Ответил негромко, но я услышала каждое слово:

— Разумеется, ваше величество. Я вас слушаю.

Я жала ножку бокала и едва не сказала, что он ошибся. Извещение в книге оставалось всего лишь строчками на бумаге, а здесь человек произнёс мой титул среди гостей, не опасаясь графа. Мне понадобилось несколько мгновений, чтобы вспомнить вопрос, ради которого я подошла.

— Значит, это обращение всё ещё в силе? После войны?

— Поражение вашего отца не отменило порядок наследования. До решения Совета вы сохраняете права, которые вам принадлежат. Вам сообщали другое?

— Мне почти ничего не сообщают. Могу я отказаться от свадьбы, если не хочу её? Не рассердить жениха, не попросить отсрочки, а именно отказаться.

Он ответил не сразу. У меня устала рука, и я переставила бокал на стол. Где-то за спиной засмеялись, но я не обернулась.

— Обручение не заменяет вашего согласия на брак, — сказал Савель. — Но обсуждать последствия такого решения посреди зала я бы не советовал. Вы можете изложить намерение письменно или на личной встрече.

— Письма прежде читают другие. А говорить со мной наедине никому не позволяют. Вы могли бы приехать сами, в качестве поверенного?

Он посмотрел поверх моего плеча. Я едва удержалась, чтобы не оглянуться. Савель немного сдвинулся, заслоняя меня от середины зала.

— Завтра, к полудню, — ответил он. — Я потребую отдельного разговора по вопросу наследования. Господина наместника об этом уведомя сегодня же.

— Он может не разрешить?

— Он может попытаться отложить встречу. А я могу потребовать объяснить причину перед Советом. Это уже придётся сделать письменно.

Я почувствовала почти болезненное облегчение. Хотела рассказать о чернильнице, но за спиной раздался знакомый голос. Я успела только снова взять бокал.

— Моё вино, Изабель. Вы отвлеклись.

— Я попросила господина Савеля объяснить мне порядок представления перед Советом.

— Вполне естественное желание, — подтвердил поверенный. — Завтра я приеду обсудить необходимые бумаги. Надеюсь, вы распорядитесь подготовить место для беседы.

Ордрик принял бокал, но пить не стал. Улыбнулся, внимательно глядя на Савеля. Мне вдруг стало холодно под открытым воротом платья.

— Разумеется. Только Изабель быстро утомляется. Не станем мучить её долгими распросами.

— Начнём с короткого разговора, — ответил Савель. — Дальше будем исходить из её пожеланий.

Граф подал мне руку, не оставляя возможности задержаться. Я успела поблагодарить поверенного, а потом пришлось идти через зал к группе гостей у камина. Ордрик держал мои пальцы так крепко, что порезы под перчаткой снова заныли.

У камина стояла молодая женщина в светлом платье с серебряной вышивкой. Граф сразу поцеловал ей руку и спросил, почему она не танцует, если все мужчины в зале только этого и ждут. Я осталась рядом, чувствуя себя вещью, которую принесли и забыли поставить на место.

— А ваша невеста не возражает? — спросила женщина, покосившись на меня. — Вы ведь обещаны друг другу.

— Изабель ещё слишком слаба для танцев. Зато с удовольствием посмотрит. Правда, дорогая?

Я сказала, что мне нужно присесть, и нашла стул у стены. Во время танца граф ни разу не посмотрел в мою сторону, зато несколько гостей успели выразить мне сочувствие по поводу слабого здоровья. Я благодарила, запоминала имена и старалась не думать, как легко они принимали чужое объяснение моей жизни.

Ордрик вернулся после танца. Я поднялась, надеясь, что мы поедем домой. Но он подвёл меня к столу, где хозяйка собрала нескольких особенно важных гостей.

— У нас есть повод поздравить молодых, — сказала она. — Ордрик уверяет, что ожидание свадьбы совсем скоро закончится. Изабель, дорогая, вы счастливы?

Ладонь графа легла мне на спину, чуть выше талии. Савель стоял по другую сторону стола и не пытался поймать мой взгляд. Мне вспомнилось предупреждение Рея о красивых словах, и я поняла, что никто здесь не сможет ответить вместо меня.

— Я надеюсь, что всё будет решено в установленном порядке, — сказала я. — Мне ещё нужно обсудить своё положение с поверенным. Он любезно согласился приехать завтра.

Хозяйка моргнула, а мужчина рядом с ней заинтересованно посмотрел на Савеля. За соседним столом продолжали смеяться, музыка уже начиналась снова, и только в нашем маленьком кругу наступила пауза. Я стояла прямо, чувствуя, как пальцы Ордрика медленно собирают складку ткани у меня на спине.

— Изабель имеет в виду формальности, — пояснил он. — Они неизбежны, к сожалению.

— Тем лучше закончить их до назначения дня, — отозвался Савель. — Чтобы потом ничто не омрачало торжество.

Кто-то поднял бокал, разговор перешёл к вину, и гости начали расходиться. Граф убрал руку с моей спины и посмотрел на меня без улыбки. Через несколько минут у дверей уже ждал слуга с плащом.

— Вы устали, — произнёс Ордрик достаточно громко, чтобы услышала хозяйка. — Возвращайтесь, моя карета отвезёт вас. Я ещё задержусь, не стану лишать вас отдыха.

Я поцеловала воздух возле чужой щеки, поблагодарила за вечер и пошла к выходу. В карете наконец смогла снять перчатку и разогнуть пальцы. Мне было страшно возвращаться в замок, но под этим страхом жило новое, почти незнакомое чувство: я не сказала того, чего от меня требовали.

До приезда графа я переоделась и отдала Марте ожерелье. Шпильку положила у зеркала, перчатки убрала в ящик. Когда за дверью остановились шаги, я всё ещё повторяла: завтра, к полудню.

Ордрик вошёл без стука и остановился у кровати. В голосе его не было ни утренней резкости, ни той весёлой любезности, которую я слышала в усадьбе. Он посмотрел на убранные украшения и неожиданно протянул мне руку.

— Спускайтесь, Изабель. Поговорим спокойно, раз уж вы так этого хотите. Выпьем за примирение.

Глава 7

Я посмотрела на протянутую руку и не двинулась с места. На балу граф тоже улыбался, сжимая мою руку до боли. Теперь перчаток на мне не было, и я не хотела снова отдавать ему перевязанную ладонь.

— Уже поздно, — сказала я. — Мы не можем поговорить утром?

— Утром вы, кажется, ждёте другого собеседника. Не стоит занимать господина поверенного нашими ссорами. Это не сделает вам чести.

Он опустил руку, но остался у двери. Я оглянулась на зеркало. До полудня оставалась одна ночь, и мне хотелось обойтись без новых столкновений.

— Хорошо. Я только надену накидку.

— Там растоплен камин. Идите так.

В малой столовой стояли два бокала. Свечи освещали только край стола у камина. Я выбрала стул возле двери, но Ордрик указал на другой, рядом со своим.

— Супругам придётся научиться договариваться, — произнёс он. — Вы ведь этого хотели? Чтобы с вами считались, а не отдавали приказания.

— Пока мы не супруги.

— Вот с этого и начнём. Мне передают, что вы опять плохо спите. Возможно, все эти разговоры о свадьбе действительно вас утомили.

Я не знала, что ответить. Себе он налил из пузатого графина, мне — из узкого и подвинул мой бокал. От сладковатого запаха стало не по себе.

— Я бы лучше выпила что-нибудь другое. Воды, например.

— Для примирения вода не годится. Совсем немного, Изабель. Я не собираюсь вас спасать.

— Завтра Савель приедет к полудню, — сказала я. — Я не хочу, чтобы вы думали, будто я жаловалась на вас. Мне нужно понять своё положение.

— А я, значит, объяснить его не способен?

— Вы можете. Но каждый вопрос почему-то заканчивается ссорой. Сейчас я как раз пытаюсь этого избежать.

Он придвинул к себе мою чашу. Я почти поверила, что всё обойдётся, но граф лишь повернул её, чтобы капля не стекала по краю. Вернул мне и заговорил уже без улыбки.

— Вы отказались ответить хозяйке усадьбы, а теперь отказываетесь выпить со мной. Хотите, чтобы я и это счёл случайностью? Сделайте хотя бы глоток, и закончим этот нелепый спор.

— Я не привыкла к вину на ночь.

— К отваге перед гостями вы, однако, привыкли быстро.

Я отодвинула стул, собираясь встать, и Ордрик поднялся вместе со мной. Его ладонь легла на спинку, не позволяя отодвинуть её дальше. До двери оставалось несколько шагов, но пройти к ней можно было только мимо него.

— Сядьте, Изабель. Я предлагаю вам мир. Не заставляйте меня пожалеть об этом.

Мне вспомнились чернила между половицами и Марта, которую он не пустил мне помочь. Я села, взяла бокал и сделала маленький глоток, стараясь сразу проглотить. Во рту осталось что-то горькое, словно я случайно раскусила плодовую косточку.

— Достаточно, — сказал граф, когда я опустила бокал. — Видите, ничего страшного. Теперь поговорим.

Он вернулся в кресло. Убирая что-то в карман, задел край скатерти. В его пальцах блеснуло тёмное стекло с узким горлышком.

— Вы что-то добавили в вино?

Он поднял глаза, но не посмотрел на бокал. Это почему-то напугало сильнее, чем его недавний приказ. Я облизнула губы, пытаясь избавиться от горечи.

— Вы устали. Не начинайте опять искать подвох там, где вас просто пытаются успокоить.

Я оттянула ворот от шеи. Спина покрылась потом, а край стола будто двинулся навстречу. Я упёрлась в него ладонью и не смогла согнуть пальцы.

— Мне нужно выйти.

— Посидите. Сейчас вам станет легче.

Я посмотрела на вино. Голова кружилась, хотя я выпила лишь глоток. Граф сидел спокойно, и я вспомнила, что ему досталось вино из другого графина.

— Меня сейчас вырвет, — сказала я, зажав рот платком. — Пожалуйста, я не успею.

Он резко отодвинул стул, освобождая дорогу, и я использовала это движение, пока он не передумал. Добралась до двери, прижимая ладонь к стене, и вышла в коридор. Там было прохладнее, но тошнота не прошла, а ноги стали странно лёгкими и непослушными.

До комнаты я бы не поднялась. Эта мысль оказалась такой простой и точной, что я даже перестала искать другие объяснения. Мне нужен был человек, который не велел бы сидеть и ждать, пока станет легче.

Марта несла к лестнице подсвечник и остановилась, заметив меня. Я попыталась произвести её имя, но язык словно перестал помещаться во рту. Она поставила свечу на выступ стены и подхватила меня под локоть прежде, чем я успела упасть.

— Что вы выпили? — спросила она совсем другим голосом. — Изабель, смотрите на меня. Что было в чаше?

— Вино. Он заставил... Там что-то...

По коридору приближался караульный, звеня пряжкой ремня. Марта мгновенно развернула меня к боковой двери и вложила мою ладонь в железную скобу. Я узнала проход к служебной лестнице, но не могла заставить пальцы нажать.

— У кухни дым, — бросила она караульному. — Позовите ещё кого-нибудь, я сама не справлюсь. Только скорее, пока не занялось!

Она нажала на скобу за меня, толкнула дверь и едва слышно велела идти к конюшне. Я не поняла, почему именно туда, если она сама запрещала мне ночные прогулки. Но холодный воздух уже потянул из темноты, и я сделала шаг, держась за косяк.

Во дворе я потеряла направление. Фонарь расплывался в пятно, каждый вдох обжигал горло. Я заставила себя вспомнить ступеньку у стойла и банку с мазью под нижней полкой.

Верёвка осталась в рукаве, рядом с бусиной. Я поддела ногтем разошедшийся шов, вытянула шнур и пошла на тёмный прямоугольник двери. На ручку его набросить не смогла: пальцы разжались, и узел упал на камень вместе с моей рукой.

Колени подогнулись. Дверь открылась, кто-то выругался и подхватил меня за плечи. Я увидела знакомый ворот и попыталась объяснить, что пришла не из-за записей.

— Рей... Я не могу...

— Тише. Я держу. Посмотрите на меня.

Он опустился рядом, посадил меня так, чтобы спина упиралась в его колено, и приподнял лицо за подбородок. Свет фонаря больно ударил в глаза, пришлось зажмуриться. Рей позвал ещё раз, и я нашла его взгляд, цепляясь за него, пока двор наклонялся в сторону.

— Что вы пили?

— Вино. Граф... за примирение.

Он посмотрел на мои губы и взял за запястье. Шнур лежал у порога. Рей поднял его и сунул за пояс.

— Давно?

— Не знаю. Я вышла... Он остался там.

В конюшне послышалось шарканье. Рей перенёс меня под навес, подальше от фонаря. Я хотела сказать, что не замёрзла, но зубы стучали от дрожи.

— Рей, что с ней? — спросили из темноты.

— Позови Марту. Если её задержат, скажи, что госпожа у конюшни. И не давай никому седлать Искру, понял?

Мальчишка метнулся к замку. Рей завернул меня в шерстяную ткань и попытался отстраниться. Я вцепилась в его рукав и услышала собственный чужой голос:

— Не уходите.

— Не уйду. Только нужно вынести вас отсюда.

— На лошади?

Он посмотрел на ворота, где дежурили люди графа. Накрыв ладонью мои пальцы. Голос прозвучал у самого уха.

— Верхом мы не успеем. Есть человек, который может вам помочь, но до неё далеко. Мне придётся кое-что сделать, и вы, вероятно, испугаетесь.

Вместо ответа вырвался сиплый вдох. Я смотрела на его лицо. Испугаться ещё сильнее казалось невозможным.

— Я... не хочу умирать.

У него дёрнулась щека, и он осторожно освободил рукав из моих пальцев. Не ушёл, только перенёс меня за край навеса, на открытый участок двора. Опустил на землю, оставив свою руку под моей головой, и заставил посмотреть на него.

— Держитесь, слышите? Я довезу. Закройте лицо, когда поднимется пыль.

Из служебной двери показался свет, затем раздался сердитый окрик. Я попыталась повернуться на голос, но голова скользнула по ткани. Рей поднялся между мной и приближавшимися людьми.

— Отойдите от госпожи, — приказали ему. — Велено вернуть её в дом.

Он не ответил, и я увидела, как под его ладонью треснул камень. Плечи заслонили фонарь, тень взметнулась по стене, а воздух вдруг стал тесным, горячим. Я моргнула, всё ещё ожидая увидеть рубаху, и вместо неё передо мной прошла серебристая чешуя.

Над крышей конюшни раскрылось крыло. За ним второе, такое огромное, что фонарь под навесом погас от порыва. Лошади закричали, за стеной что-то упало, а я от страха забыла на мгновение, что не могла дышать.

Это не мог быть Рей. У него были человеческие руки, рубец возле большого пальца и привычка придерживать тетрадь, чтобы она не закрывалась. Но дракон опустил голову, посмотрел на меня тем же внимательным взглядом и осторожно поддел ткань под моим телом.

Я оказалась в огромной лапе, прижатая к тёплой чешуе. Когти сомкнулись вокруг меня так, что не задела ни лица, ни сведённых пальцев. Земля отдалилась на несколько шагов, и я успела увидеть людей, которые отступали к двери, закрывая головы руками.

— Дракон! К воротам, поднимайте стрелков!

Крылья ударили по воздуху. Стена замка пошла вниз, и я вцепилась в ткань. Я хотела крикнуть, но из горла не вышло ни звука.

Что-то сухо щёлкнуло у ворот. Дракон дёрнулся, одно крыло на мгновение сложилось, и по серебристой перепонке потекло что-то тёмное. Меня качнуло, чешуя скользнула под щекой, но пальцы огромной лапы тут же прижали свёрток плотнее.

Я стиснула шерсть и уткнулась в неё лицом. Следующий взмах прозвучал неровно. Мы всё-таки ушли за стену.

Холод пробрался под ткань, а внутри всё ещё было жарко. Надо мной звучало тяжёлое дыхание. Только теперь я поняла, сколько усилий стоил каждый взмах повреждённого крыла.

На карте дракон был красивым рисунком. Этот пах дымом и кровью, дрожал от напряжения, закрывая меня от ветра. Мне стало страшно уже не только за себя.

— Рей, — попробовала позвать я. — Я здесь.

Огромная ладонь легла устойчивее. Я закрыла глаза на один вдох. Когда открыла, деревья поднимались навстречу.

Посадка была тяжёлой. Где-то над головой хрустнула ветка, край крыла задел землю, и дракон припал на передние лапы. Я увидела низкую дверь со светлой полоской под порогом и слышала стук, который никак не могла связать с собственным телом.

Свет приблизился, над ним склонилось незнакомое лицо. Потом я снова оказалась у Рея на руках, а на рубахе у него расплывалось тёмное пятно. Он что-то говорил женщине с растрепавшимися кудрями, и я старалась не потерять его голос среди других звуков.

— Её отравили. Вино, не знаю, что именно в него добавили. Я не мог везти её по дороге.

— В дом. К столу, только осторожно. А сам сядь, ты весь в крови.

Я хотела спросить про крыло. Но рука была человеческой, на плече виднелась ткань, и я уже не понимала, что было на самом деле. Тёмные потолочные балки надвинулись на меня и исчезли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.